

ПАУЗА ХЕЗИТАЦИИ КАК ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРИСТИК СПОНТАННОЙ РЕЧИ

ПЯТРАС АНУСАС

Взаимодействие целого ряда наук (лингвистики, социолингвистики, физиологии, психологии, патологии речи и т. п.) при исследовании спонтанной речи способствовало возникновению и развитию нового подхода к изучению человеческой речи, который составляет содержание „речеведения“, т. е. науки о звучащей речи, или, по синонимичной терминологии М. Ониси [Onishi, 1977], „нео-макрофонетики“. Изучение поведения человека в реальной речевой деятельности дало импульс новому „направлению“ в самой науке о звучащей речи — „паузологии“.

„При помощи времени, — пишет Б. Батерверф [Butterworth, 1980, p. 155], — можно измерить буквально все, включая умственную деятельность человека; психологи всячески стремятся измерить тот отрезок времени, в течение которого человек как будто ничего не делает“.

Включение речевой паузы в просодическую структуру языка в качестве ее обязательного компонента в настоящее время серьезных возражений не вызывает. Являясь составной частью просодической системы языка, речевая пауза выполняет ряд лингвистических функций, основной из которых является членение речевого потока.

Исходя из просодической субстанции (длительности) и функции, выполняемой в процессе вербального общения, речевую паузу в наиболее общем виде подразделяют на синтаксические (паузы стыка, диеремы) и несинтаксические паузы (паузы хезитации, неуверенности или нерешительности)¹.

Если включение паузы стыка как демаркационного знака в качестве обязательного элемента структуры языка является фактом само собой разумеющимся, то лингвистический статус пауз хезитации остается до сих пор недостаточно определенным. Это связано прежде всего с тем, что появление и дистрибуция пауз хезитации обусловлено взаимодействием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Однако рассматри-

¹ Ср. английскую терминологию: juncture-nonjuncture (hesitation pauses) [Rochester, 1973, p. 59; Henderson, 1974, p. 122]; более подробно о классификация речевой паузы см.: Ахмапова, 1969, с. 606; Дубовский, 1978, с. 75.

вая семиологическую функцию паузы неуверенности, а также ее экстралингвистическую обусловленность, надо иметь в виду, что данный вид паузы является неотъемлемой характеристикой спонтанной речи.

Без понимания явления хезитации невозможно описание спонтанной речи. Дж. Ферф 40 лет тому назад настаивал на изучении разговорной (спонтанной. — А. П.) речи, так как только через нее можно глубже и лучше понять, что собой представляет язык и как он функционирует [см. Coultard, 1977, р. 1]. „Мы убеждены в том, что речь является основой всякого языковедческого исследования, что начинать надо только с речи, и с того, что действительно в ней реализуется“ [Долгова, 1978, с. 117]. Можно провести параллель между вышесказанным и мнением Б. Батерверфа [Butterworth, 1980, р. 7] о том, что „исследование языка с точки зрения психологии должно начинаться с анализа афазии, так как легкость и натуральность нормальной речи скрывает сложные психологические процессы, лежащие в основе порождения речи“.

Несмотря на то что интерес к паузам хезитации и спонтанной речи как у лингвистов, так и у психологов возник примерно в одно и то же время (около 60-х гг.), до недавнего времени этими проблемами занимались в основном не лингвисты, а психологи, социологи, антропологи и даже философы. Это можно объяснить, очевидно, тем, что структурное описание языка как некой абстрактной гомогенной системы, рассчитанной на „идеального“ носителя языка, исключало спонтанную речь из объекта лингвистического описания, в то время как в психологии и психолингвистике делалась попытка именно через спонтанную речь и явление хезитации вскрыть столь сложный механизм, лежащий в основе порождения и восприятия речи.

Так, антрополог Ф. Лоунсбери [Lounsbury, 1954, р. 100] одним из первых выдвигает гипотезу о том, что дистрибуция пауз хезитации может отражать познавательные процессы, связанные с порождением спонтанной речи. Последующие многочисленные работы по психологии и психолингвистике были направлены на выявление взаимодействия длительности и дистрибуции (рекурентности и локализации) как незаполненных (silent pauses), так и заполненных пауз хезитации (filled pauses). Таким образом, было выявлено, что сфера распространения пауз хезитации отражает: 1) познавательный процесс, лежащий в основе порождения речи²; 2) эмоциональное состояние говорящего, социально-ситуативную обусловленность речевого общения [см.: Rochester, 1973, р. 59; Kowal et al., 1975, р. 195], а также интеллектуальные способности индивида, т. е. уровень владения речью [см.: Jones, 1974, р. 202]. Кроме

² К такому мнению пришло большинство психологов и психолингвистов, когда-либо занимавшихся вопросами спонтанной речи и пауз хезитации.

того, пауза hesitation имеет лингвистическую³ [см.: Kowal et al., 1975; Beattie, 1980, p. 71], стилистическую [см.: Duez, 1982, p. 11; Butterworth, 1980, p. 158] и коммуникативную [см.: Butterworth, 1980, p. 157] функции. По мнению некоторых исследователей [Анощенкова, 1982, с. 25; Beattie, 1980, p. 71], заполненные паузы осуществляют контроль как над процессом речеобразования, так и над эффективностью речевого общения. Кроме того, пауза hesitation может выполнять в тексте контактоустанавливающую (фатическую) функцию [см.: Анощенкова, 1982 а, с. 55]. Как уже отмечалось, пауза hesitation в первую очередь отражает процесс принятия решений, т. е. кодирование сообщения. Таким образом, перед исследователями встала задача выявить механизм кодирования, т. е. как и при помощи каких языковых структур происходит кодирование, что именно программируется в момент паузы. Данная задача не могла получить успешного решения без надлежащего понимания сущности единиц кодирования, т. е. без сколько-нибудь удовлетворительного объяснения лингвистической природы, объема и функции данных единиц. Обзор литературы по этому вопросу убедительно показал, что, несмотря на достигнутое, выводы, полученные в результате субстанционального, дистрибутивного и функционального анализа пауз hesitation, не только не совпадают, но довольно часто оказываются диаметрально противоположными.

Так, одни исследователи считают, что пауза hesitation отражает лексическое кодирование (планирование), т. е. появление паузы объясняется выбором последующего нужного слова [см.: Bernstein, 1962]. Основанием для такого предположения послужил тот факт, что слово после паузы произносится медленнее, чем в беспаузальной позиции. Нельзя не согласиться с мнением А. Хендерсона [Henderson, 1974, p. 120], что данные, на основании которых делается подобное заключение, были получены в результате исследования изолированных предложений, а не спонтанной речи. Кроме того, если о процессе кодирования судить лишь по замедленному темпу произношения последующего слова, то из этого выходит, что сам процесс распространяется только на последующее слово.

В качестве диаметрально противоположного взгляда на рассматриваемую проблему можно привести мнение ряда ученых, которые полагают, что кодирование речевого высказывания происходит на основе грамматических структур, т. е. пауза „уходит“ на выбор последующей синтаксической структуры [см.: Varik, 1968; Rochester, 1973, p. 59]. Однако для того чтобы показать несостоятельность такой точки зрения, сторонники „семантиче-

³ К сожалению, в указанных работах не содержится эксплицитного объяснения того, в чем именно заключается лингвистическая функция пауз hesitation.

ского“ кодирования выдвигают ряд предположений, основные из которых заключаются в следующем: отрезок времени, не использованный на фокацию, отводится на кодирование, а сам процесс кодирования бывает двух видов, т. е. „центральный“ и „периферийный“. Как артикуляцию, так и синтаксическую организацию Ф. Гольдман-Айслер [Goldman-Eisler, 1968, р. 120—129] относят к периферийным (автоматизированным) процессам кодирования речевого сообщения, а семантическое программирование — к центральному. Примерно такого же мнения придерживаются те исследователи, которые полагают, что кодирование грамматических и синтаксических структур происходит в основном автоматически, т. е. подсознательно [см.: McLeod, 1975].

К такому импрессионистическому представлению о психологических процессах, лежащих в основе порождения речи, можно прийти, исходя из того, что количество синтаксических структур, по сравнению с количеством лексических единиц, в каждой конкретной системе языка весьма ограничено. Однако это не является достаточным доказательством того, что пауза hesitation никак не связана с грамматической (синтаксической) организацией речи.

Несмотря на то что в настоящее время нет возможности проверить состоятельность той или иной гипотезы или предположения относительно процесса кодирования речевого сообщения при помощи более точных методов, представляется весьма привлекательной точка зрения тех современных исследователей, которые полагают, что пауза hesitation, кроме всего прочего, может одновременно отражать выбор как семантико-лексических, так и синтаксических структур. Развивая идею Ф. Гольдман-Айслера о „двуступенчатом“ кодировании, Б. Батерверф [1980, р. 159] предлагает альтернативную гипотезу, которая заключается в том, что „различные процессы кодирования целесообразно представить в виде иерархического „каскада“, где процессы высшего и низшего порядка осуществляются параллельно, несмотря на то, что одни из них продолжительнее других. Если, — продолжает автор, — на артикуляцию уходит меньше времени, чем на семантическое планирование, с целью согласования этого процесса пауза распространяется на отрезок времени до и после артикуляции. Сама кодификация может начинаться до начала артикуляции, некоторое время осуществляться параллельно с ней, и заканчиваться с некоторым опережением ее“.

Результаты нашего исследования [Анусас, 1979, с. 85—95] говорят о том, что не только сама пауза hesitation, но и ее паузальный „альтернатив“, т. е. замедление скорости артикуляции предпаузального участка, очевидно, отражает процесс принятия решения. Выбор соответствующих лексико-грамматических и семантических средств не всегда заканчивается с прекращением

паузы; некоторое время он продолжает осуществляться параллельно с артикуляцией, вследствие чего скорость артикуляции заметно замедляется. Именно замедление скорости артикуляции предпаузального участка является, на наш взгляд, косвенным доказательством того, что процесс кодирования речевого сообщения не может быть представлен в той строгой линейной последовательности, которую ему придают некоторые зарубежные исследователи. Процесс выбора необходимых средств для преобразования мысли в языковой код иногда не вмещается в рамках пауз хезитации.

Понимание процесса кодирования невозможно без идентификации соответствующих единиц, иначе говоря, интерпретация этого процесса определяется выбором его единиц. Как и можно было ожидать, на современном этапе исследования этого явления не наблюдается единства взглядов не только по отношению к самому принципу кодирования спонтанного высказывания, но и по отношению к идентификации соответствующих единиц. Так, для целого ряда исследователей [ср. Fodor et al., 1974, p. 424] основной единицей кодирования является предложение и/или часть сложного предложения (sentences and clauses)⁴. Однако подавляющее большинство современных исследователей [ср.: Boomer, 1965; Rochester, 1973; Boomer and Laver, 1968] в качестве основной единицы кодирования выделяют так называемое фонематическое предложение или фразу (phonemic clause), которая по существу является просодической (интонационной) единицей.

Исходя из того, что пауза хезитации в основном отражает время, необходимое для семантической организации высказывания, некоторые психолингвисты считают, что единицы речепроизводства являются по своей природе не структурными, а функциональными, т. е. основаны на познавательной деятельности, а не на лингвистическом анализе. Лингвистический анализ, по их мнению, может быть релевантным или ирелевантным для процесса кодирования. Отказ от предложения как основной единицы порождения речи мотивируется тем, что программирование речевого высказывания не вмещается в пределах предложения и его составных частей. „Основная единица кодирования, — пишет Б. Батерверф [1975, p. 76], — есть семантическая по природе, а по объему она больше предложения (suprasentential in scope)“. Примерно такого же мнения придерживаются те исследователи [см.: Rochester, 1963; Beattie, 1980, p. 68], которые заняты не столько объяснением лингвистической сущности единиц кодирования, сколько поиском психолингвистических единиц кодирования. В качестве такой единицы рассматривается,

⁴ Об отсутствии адекватного эквивалента этого термина (clause) в отечественной лингвистике см.: Николаева, 1970, с. 136.

как правило, период⁶, состоящий из паузы (молчания) и фонации [см.: Rochester, 1973, p. 62].

В заключение этого краткого обзора представляется уместным привести весьма пессимистические, но совершенно правильные слова В. Бити [1980, p. 71] о том, что „ни одно современное исследование не может дать окончательного ответа относительно единиц кодирования; для этого нужна дополнительная информация о природе познавательных процессов, лежащих в основе порождения речи“. Такая информация, по мнению автора [см.: Beatlie, 1980, p. 69], может быть получена путем анализа невербального поведения говорящего (speaker-gaze), сопровождающего речь и наряду с вербальным актом отражающего познавательные процессы речепроизводства.

Одной из самых сложных проблем, стоящих перед современной наукой о звучащей речи, является членение речевого потока. „До сих пор неясно, — пишет О. В. Долгова [1978, с. 8], — почему речь так плохо делится на сверхфразовые единства, почему в устной речи так нечетко реализуются признаки окончания одного сверхфразового единства и начала другого“. Не оспаривая правильности постановки данного вопроса, следует отметить недостаточную изученность и в то же время сложность определения и более мелких единиц спонтанной речи.

Исследователи устной речи, в частности А. А. Реформатский, К. К. Барышникова, П. Ладефогед, Д. Болинджер и ряд других, уже давно заметили, что членение речевого потока на просодическом уровне не всегда совпадает с членением синтаксическим, так как просодическая структура фразы не находится в прямой зависимости от синтаксической структуры предложения. По словам А. А. Реформатского [1975, с. 72], „необходимо строго различать план предложения (грамматический) и план фразы (фонематический)“.

Как уже отмечалось, при исследовании спонтанной речи психологи и психолингвисты часто пользуются просодической единицей, т. е. фонематической фразой, которую определяют как интонационную (просодическую. — А. Л.) единицу, состоящую из одного интонационного контура, фразового ударения и терминальной диеремы [см.: Butterworth, 1980, p. 156]. Большинство исследователей устного текста при его сегментации на просодическом уровне пользуются именно этой единицей, которая для одних является синтагмой, для других — ритмической фразой, интонационной группой или просто фразой⁶. Исходя из того, что вышеуказанная единица, кроме лингвистической обоснованности, является еще и „ближайшей“ психологической единицей порождения речи, представляется удобным пользоваться ею и для лингви-

⁶ В английской терминологии обозначаемый как *suprasentential semantic unit, suprase-clause, meaningful communication unit*.

⁶ Ср. английскую терминологию: *tone-group, intonation group, intonation contour*.

стического описания спонтанной речи. Однако проблема сегментации спонтанной речи не решается выбором наиболее удобной для анализа единицы по той простой причине, что исследователю спонтанной речи очень часто приходится иметь дело с прерванными единицами [см.: Антипова, 1976, с. 11], так называемыми „неполными синтагмами“. Например:

|| Well I | I'm totally | in total disagreement with this | because | again | I feel that people | should not be indoctrinated from birth ||

|| Yes I | I think I must em | support this view that | again from personal experience | racial intolerance | is largely based | on | religious intolerance ||

Как видно из приведенного нами отрывка, взятого из дискуссии трех собеседников, большинство просодических единиц являются разобщенными во времени паузами хезитации, внутреннее дробление которых чаще всего не имеет ничего общего со структурным (синтаксическим) построением речи. Кроме того, результаты экспериментальных исследований [см.: Анощенкова, 1982; Анусас, 1979] показывают, что отрывки речевого потока, заключенные между двумя паузами хезитации, являются незавершенными единицами и в просодическом отношении.

Безусловно, спорным и крайне нежелательным является как употребление новых терминов, так и введение новых категорий для обозначения общеизвестного и общепринятого явления. Однако не менее спорной, на наш взгляд, является приверженность к традиционным единицам в членении спонтанного текста на синтагмы. Напр.: || Today I am | going to speak on | Byron, and his poetry | which appears in this book of yours ||².

Имея в виду полифункциональность пауз хезитации, можно ожидать, что не любая внутрифразовая пауза сигнализирует о границе семантико-просодической, тем более синтаксической единицы.

В данном случае целесообразнее говорить не о структурных единицах языка, а о единицах текста как о некоем „строительном материале“ семантико-просодической категории. „Иерархическая организация единиц, — пишет Л. В. Бондарко [1982, с. 11], — принадлежащих разным языковым уровням, существенным образом нарушается в условиях реальной речевой действительности (спонтанной речи. — А. П.) как при порождении высказывания, так и при восприятии его“.

В заключение обзора относительно небольшой части работ, посвященных исследованию спонтанной речи и ее „индикатора“ — пауз хезитации, необходимо еще раз подчеркнуть, что сложность описания спонтанной речи является одной из главных причин недостаточного его изучения как в плане лингвистическом, так и в плане психолингвистическом.

²Пример О. В. Долговой [1978, с. 70].

Несмотря на большую работу, проделанную в этой области психологами и психолингвистами, все же можно упрекнуть их в недостаточном использовании собственно лингвистических данных. Кроме того, анализ литературы по этим вопросам часто убеждал нас в том, что методика и экспериментальный материал исследования нередко определяют результаты и выводы исследования.

Несмотря на отсутствие четко выраженных границ, т. е. конца и начала синтаксических и семантико-просодических единиц (а иногда и правильной синтаксической структуры в целом), высказывание не теряет своего коммуникативного смысла, очевидно, в силу того, что смысл высказывания спонтанного текста определяется не суммой составляющих его лингвистических единиц, а целостностью коммуникативного акта, в котором наряду с собственно лингвистическими средствами немаловажную роль играют и экстралингвистические факторы, обуславливающие адекватное их употребление.

Неправильная синтаксическая структура спонтанного высказывания не только не является помехой понимания его содержания, но очень часто „проходит“ незаметно как для говорящего, так и для слушающего. То же самое можно сказать относительно некоторых функций пауз хезитации. Пауза хезитации, отражающая кодирование, очень часто слушателем не воспринимается⁸.

HESITATION PAUSE AS ONE OF THE BASIC CHARACTERISTICS OF SPONTANEOUS SPEECH

P. ANUSAS

Summary

Interdisciplinary investigation of spontaneous speech has given rise to a new approach towards spoken language analysis, i. e. speechology.

When utterances are organised at the time of speaking they emerge haltingly, interspersed with filled and silent (unfilled) pauses. This intermittent quality of spontaneous, i. e. unrehearsed speech has attracted many investigators both linguists and nonlinguists seeking to understand the decision making process underlying speech production. In the present paper, the literature bearing on hesitation pauses in spontaneous speech has been reviewed to evaluate the interdisciplinary explanation of hesitation phenomena, i. e. to what degree findings of psychological and psycholinguistic studies are applicable to linguistic theories. The first aim of the study has been to describe functions (cognitive and linguistic) that hesitation pauses were thought to reflect.

⁸ Более подробно о восприятии пауз хезитации см.: Бондаренко, 1982; Feldstein et al., 1966.

ЛИТЕРАТУРА

- Анощенкова, 1982 — Анощенкова А. М. Акустические корреляты средств речевого контакта. — В кн.: Функциональная просодия текста: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Горького. М., 1982, вып. 201, с. 22—34.
- Анощенкова, 1982a — Анощенкова А. М. Роль явления хезитации в процессе рече-производства. — В кн.: Просодия текста: Тез. докл. М., 1982, с. 54—56.
- Антипова, 1976 — Антипова А. М. Просодические средства ритмизации спонтанной диалогической речи. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1976, вып. 7, с. 9—15.
- Анусас, 1979 — Анусас П. П. Фонетические характеристики односторонней и многосторонней устной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного английского языка): Дис... канд. филол. наук. — Минск, 1979.
- Анусас, 1982 — Анусас П. П. О соотношении устной и письменной форм речевого общения. — *Kalbotuga*, 1982, t. 33(2), с. 15—21.
- Ахманова, 1969 — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1969.
- Бондаренко, 1982 — Бондаренко Л. П. Членение текста на смысловые группы и восприятие паузы колебания. — В кн.: Просодия текста: Тез. докл. М., 1982, с. 56—58.
- Бондарко, 1982 — Бондарко Л. В. Опыт описания слоговой структуры текста с точки зрения его распознавания (К проблеме единиц спонтанной речи). — В кн.: Просодия текста: Тез. докл. М., 1982, с. 11—13.
- Долгова, 1977 — Долгова О. В. Семантика неплавной речи. — М., 1978.
- Дубовский, 1977 — Дубовский Ю. А. Анализ интонации устного текста и его составляющих. — Минск, 1978.
- Николаева, 1970 — Николаева Т. М. О существенных принципах отбора речевого материала при изучении интонации. — В кн.: Русская разговорная речь. Саратов, 1970.
- Реформатский, 1975 — Реформатский А. А. Фонологические этюды. — М., 1975.
- Barik, 1968 — Barik H. C. On Defining Juncture Pauses: a Note on Boomer's "Hesitation and Grammatical Encoding". — *Language and Speech*, 1968, vol. 11, p. 156—159.
- Beattie, 1980 — Beattie G. W. The Role of Language Production Processes in the Organisation of Behaviour in Face-to-face Interaction. — In: *Language Production. Speech and Talk* / Ed. Br. Butterworth. London, etc.: Academic Press, 1980, vol. 1, p. 69—107.
- Bernstein, 1962 — Bernstein B. Linguistic Codes, Hesitation Phenomena and Intelligence. — *Language and Speech*, 1962, vol. 5, p. 31—46.
- Boomer and Laver, 1968 — Boomer D. S., Laver J. D. Slips of the Tongue. — *British Journal of Disorders Communication*, 1968, vol. 3, p. 2—11.
- Butterworth, 1975 — Butterworth Br. Hesitation and Semantic Planning in Speech. — *Journal of Psycholinguistic Research*, 1975, vol. 4, N1, p. 75—87.
- Butterworth, 1980 — Butterworth Br. Evidence from Pauses in Speech. — In: *Language Production. Speech and Talk* / Ed. Br. Butterworth. London, etc.: Academic Press, 1980, vol. 1, p. 155—176.
- Coulard, 1977 — Coulard M. An Introduction to Discourse Analysis. — London: Longman, 1977.
- Duez, 1982 — Duez D. Silent and Non-Silent Pauses in Three Speech Styles. — *Language and Speech*, 1982, vol. 25, N1, p. 11—28.
- Feldstein, Rogalski, Jaffe, 1966 — Feldstein S., Rogalski C., Jaffe J. Predictability and Disruption of Spontaneous Speech. — *Language and Speech*, 1966, vol. 3, N3, p. 137—152.

Fodor, Bever, Garrett, 1974 — Fodor J. A., Bever T. G., Garrett M. F. *The Psychology of Language*. — New York: McGraw-Hill, 1974.

Goldman-Eisler, 1968 — Goldman-Eisler F. *Psycholinguistics: Experiments in Spontaneous Speech*. — New York: Academic Press, 1968.

Henderson, 1974 — Henderson A. I. *Time Patterns in Spontaneous Speech — Cognitive Stride or Random Walk? A Reply to Jaffe, et al.* — *Language and Speech*, 1974, vol. 17, N2, p. 119–125.

Jones, 1974 — Jones P. A. *Elaborated Speech and Hesitation Phenomena*. — *Language and Speech*, 1974, vol. 17, N2, p. 199–203.

Kowal, O'Connell, Sabin, 1975 — Kowal S., O'Connell D., Sabin E. J. *Development of Temporal Patterning and Vocal Hesitations in Spontaneous Narratives*. — *Journal of Psycholinguistic Research*, 1975, vol. 4, N3, p. 195–207.

Lounsbury, 1954 — Lounsbury F. G. *Transitional Probability, Linguistic Structure, and Systems of Habit-Family Hierarchies*. — In: Osgood C. E., Sebeok T. A. (Eds.). *Psycholinguistics: A Survey of Theory and Research Problems*. Baltimore: Waverley Press, 1954, p. 93–101.

McLeord, 1975 — McLeord J. *Uncertainty Reduction in Different Languages through Reading Comprehension*. — *Journal of Psycholinguistic Research*, 1975, vol. 4, N4, p. 343–365.

Onishi, 1977 — Onishi M. *An Introduction to Speechology-Neo-Macro-Phonetics*. — Tokyo: Phonetic Society of Japan, 1977.

Rochester, 1973 — Rochester S. R. *The Significance of Pauses in Spontaneous Speech*. — *Journal of Psycholinguistic Research*, 1973, vol. 2, N1, p. 51–81.

Vilniaus V. Kapsuko universitetas
Anglų filologijos katedra

Įteikta
1984 m. sausio 4 d.